

©2001 г.

А. ХИРШМАН

**РЫНОЧНОЕ ОБЩЕСТВО.
ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**

ХИРШМАН Альберт - профессор одного из польских университетов.

Убеждение, что социальный строй может быть причиной несчастий, стало популярным с XVIII в. Известен афоризм Сен-Жюста: "Идея счастья есть нечто новое в Европе". В те времена признание счастья как чего-то, что можно проектировать путем изменения социального порядка, было новаторством, к реализации которого автор этих слов и его друзья-якобинцы отнеслись с убеждением. Идея усовершенствования социального порядка появилась с представлением: действия и решения людей могут повлечь непредвиденные последствия. Это представление было сформулировано для нейтрализации первой идеи, позволяя полагать, что даже блестяще спроектированные институциональные изменения ведут к непредвиденным следствиям или "результатам, обратным намерениям". И все же нельзя утверждать, что с самого начала обе идеи сталкивались. Идея общества, которое можно усовершенствовать, расцвела после Французской революции, выступив в маске критики социального и экономического порядка капитализма на пороге XIX в.

Я опишу связь и противоположность между ранними аргументами в пользу рыночного общества и последующей критикой капитализма, опишу противоречие между данной критикой и диагнозом несчастий современного капитализма. Но вторая разновидность критики будет побеждена еще одним комплексом идей. Во всех трех случаях мы имеем дело с отсутствием коммуникации между противостоящими тезисами. Иначе говоря, родственные интеллектуальные образования не осознавали взаимного существования. Подобное незнание - цена, которую платит идеология за свою самоуверенность.

Теория *doux-commerce*

Вначале напомним комплекс идей, сопутствовавших экспансии рынка и развитию торговли с XVI по XVIII в. Убеждение, что торговля обладает цивилизующим значением, стало в середине XVIII в., банальностью, хотя Руссо выступил против. Цитирую положение Монтескье в сочинении "О духе законов": "везде, где нравы кротки, там есть и торговля, и везде, где есть торговля, там и нравы кротки". У Монтескье

Печатается с сокращениями. - *Примеч. ред.*

нет сомнений в причинной зависимости: "Торговля ... шлифует и смягчает варварские нравы: это мы видим ежедневно" [1]. Такое восприятие влияния торговли на общество было общепринятым в XVIII в., что отражено во "Взгляде на прогресс обществ;) в Европе" (1769) У. Робертсона и "Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума" (1793-1794) Кондорсе. Робертсон вторит Монтескье: "Торговля ...успокаивает и смягчает человеческие нравы". Кондорсе, критик Монтескье, в этом плане следовал за ним: "Нравы смягчались ... благодаря влиянию духа коммерции и промышленности. врага жестокостей и потрясений, изгоняющих богатство" [2]. Одно из самых сильных утверждений сформулировал в 1792 г. Т. Пейн в "Правах человека": "Торговля ... действует таким образом, чтобы род людской стал более сердечным, а народы и отдельные индивиды полезными друг для друга... Изобретение торговли ... остается до сих пор самым крупным шагом в направлении всеобщей цивилизованности..." [3].

О конкретном смысле пресловутой "*douceur*" - политеса, мягкости, хороших манер и сердечности в литературе XVIII в. почти ничего не говорится, возможно потому, что современникам это казалось самоочевидным. Подробное описание дал Сэмюэль Рикард. Опубликованный в 1704 г. его труд переиздавался почти 80 лет. "Торговля ... из прежде гордого и высокомерного делает неожиданно мягкого, кроткого, учтвого и услужливого человека. Благодаря торговле человек приобретает рассудительность, честность и хорошие манеры, учится быть смышленным и сдержанным" [4]. Смягчение человеческих нравов и человеческой природы приписывали торговле и промышленности Д. Юм и А. Смит.

Появилось устойчивое убеждение в том, что общество, где рынок есть главный механизм удовлетворения человеческих потребностей, создаст значительное количество новых богатств на основе разделения труда и технического прогресса. Побочным продуктом явилась более "смирная" разновидность человека: честный, достойный доверия, систематичный, дисциплинированный, дружелюбный, способный к поддержке других людей, всегда готовый к поиску решения конфликтов и нахождению согласия. В свою очередь, новая разновидность человека облегчит действие рынка. Ранний капитализм был весьма неустойчив, что объясняется необходимостью соответствия докапиталистической ментальности. Но благодаря культивированию торговли и промышленности капитализм создаст комплекс установок и моральных склонностей, достойный подражания. Одновременно они будут влиять на расширение системы. И в некоторые периоды темп и стихийность экспансии капитализма придавали атому предположению вероятность.

Теория саморазрушения

Предшественников другой группы идей нетрудно обнаружить среди марксистских и консервативных мыслителей. Представитель современной политической экономии, Ф. Хирш, проанализировал данный тезис в книге "Социальные пределы развития экономики" [5]. Он формулирует тезисы: 1. Типичный для капитализма акцент на личные интересы и собственность затрудняет производство публичных благ и гарантии сотрудничества (особенно на поздних стадиях капитализма), необходимых для функционирования системы (глава 11). 2. По мере роста значения макроэкономической политики (по кейнсианским и другим образцам) ее авторы вынуждены руководствоваться "всеобщими", а не индивидуальными интересами. Однако система, базирующаяся на единичных интересах, лишена механизмов, гарантирующих выработку надлежащих мотивов поведения. Если такие мотивы появляются, они образуют пережитки прежних систем ценностей, подверженных "эрозии". 3. Социальные добродетели - "истина, доверие, согласие, самоограничение, чувство долга" - необходимы для функционирования "индивидуалистической экономики, основанной на контракте" и в значительной мере вытекают из религиозных убеждений. Однако "индивидуалистическое и рационалистическое основание рынка подрывает религиозный фундамент" [6].

Последнее утверждение противоречит прежнему пониманию рынка и его полезной

роли. Во-первых, многие мыслители XVII-XVIII вв. были убеждены, что должны принимать человека как существо в значительной мере бесчувственное к императивам морали и предписаниям религии. В рамках такой оценки мыслители двигались к открытию "интереса" как принципа, способного заменить "любовь" и "милосердие" в качестве основы общества. Во-вторых, в той мере, в которой обществу нужны ценности "истины, доверия и т.д.", эти мыслители лелеяли надежду: данные ценности не будут подвергаться эрозии, наоборот - они будут вырабатываться практикой и стимулами рынка. Следовательно, Хирш - один из последних представителей теории саморазрушительных склонностей рынка. Взглянем назад для ответа на вопрос: существовали ли контакт между двумя противоположными взглядами на следствия торговли и капитализма? Нет сомнения, что идея "капитализм как система содержит зародыш своей гибели" - краеугольный камень марксизма. Однако у Маркса эта метафора относилась к социально-экономическим следствиям системы. Некоторые свойства капитализма должны привести к социалистической революции пролетариата. Иначе говоря, Маркс не обязан был открывать механизмы подрыва изнутри капиталистической системы. Маркс не первый заметил это. Почти за сто лет до него такая констатация - суть консервативной реакции на рыночное общество - формулировалась Болингброком и его окружением, оппозицией правительству вигов. Заново эту тему поставили в начале XIX в. романтические и консервативные критики промышленной революции [7].

Способность капитализма "доминировать" над традиционными и высшими ценностями не рассматривалась как угроза ему самому. Правда, нередко полагали, что мир капитализма нищает в сфере духа и культуры. Влияние капитализма на эти формы социальной жизни описывалось метафорами от "разложения", "эрозии", "коррозии", "порчи", "проникновения" до "вторжения" и "истребительного рынка" (К. Полань). Но едва капитализм был признан непобедимой силой, безудержные успехи которого вызывали шок, явилась идея: он рано или поздно свернет себе шею, подобно всем победителям! Капитализм может способствовать не только коррозии традиционного общества с присущими ему ценностями, но и разлагать фундаментальные ценности капиталистического общества.

Модель самоубийства капитализма можно назвать сценарием "красивой жизни", в отличие от модели *doux-commerce*. На первых фазах для успеха капитализма нужно, чтобы капиталисты были скопидомами и жили скромно, обеспечивая накопление. Однако в определенный момент рост богатства начинает ослаблять дух бережливости: все слышнее голоса "Даешь красивую жизнь!". Но едва этот лозунг реализован, прогресс капитализма остановится. Этот вывод не нов. Идея о том, что накопление богатств подрывает процесс производства, существовала на протяжении XVIII в., от Д. Уисли до Монтескье и А. Смита. Рассуждения такого типа стали модными после выхода исследования М. Вебера "Протестантская этика и дух капитализма". Их авторы не сознавали, что извлекают из нафталина старую морализирующую историю: еще в Древнем Риме республиканские добродетели сдержанности, гражданской гордости и мужества вначале способствовали победам и захватам новых территорий и т.д. и т.п.

Эта непритязательная диалектика привлекает, хотя она отброшена как объяснение заката и падения Рима. Попытки объяснить капитализм и предсказать его упадок в таких категориях заслуживают подобной судьбы по многим основаниям. Упомяну одно: главная роль приписывается вначале становлению, а затем упадку индивидуальной бережливости. Совершенно упускаются из виду переменные, имеющие ключевое значение - экономичность предприятий, технологические новации и предприимчивость, не говоря уже об институциональных и культурных факторах.

Среди менее механистичных шаблонов тезиса о саморазрушении известно положение И. Шумпетера из книги "Капитализм, социализм, демократия". Вторая часть книги называется "Может ли устоять капитализм?" На этот вопрос Шумпетер отвечал преимущественно отрицательно. Причем не вследствие неразрешимых проблем,

а вследствие роста вражды к нему социальных слоев, особенно интеллектуалов. В этих рамках Шумпетер пишет: "Капитализм порождает нормы интеллектуальной критики, которые после ликвидации морального авторитета большинства институтов обращаются в конечном счете против него самого. Буржуа неожиданно замечает, что рационалистическая установка не заканчивается на титулах королей и пап, а с такой же силой атакует частную собственность и всю систему буржуазных ценностей" [8]. Здесь мы имеем дело с выводом на тему саморазрушения. Но убедителен ли он? Капитализм выглядит как чародей, который не может остановить механизм, и, в конечном счете, губит врагов и себя. Это представление могло соответствовать убеждениям Шумпетера. Он был связан с Венской культурой эпохи "конца века", для которой самоубийство - повседневность. Те, кто не укоренен в такой традиции, не обязаны считать приведенные аргументы убедительными. Более того: надо учитывать и элементарные воспроизводство, самосохранение.

Взгляды Шумпетера развивала группа интеллектуалов, эмигрировавших в США в 1930-е гг. - представители Франкфуртской школы. В рамках марксистской традиции они уделяли внимание идеологии как ключевому фактору исторического развития. Главной фигурой этой группы был М. Хоркхаймер. В "Затмении разума" он дал интерпретацию несчастий и бед западной цивилизации. По его мнению, при капитализме частные интересы становятся решающими и детерминируют агностицизм в отношении вечных ценностей. В итоге разум сводится к инструментальной роли, ограниченной решениями о средствах достижения произвольно установленных целей. В прежние времена разум и вера использовались и для формулировки ключевых целей человеческих действий: свободы, равенства и справедливости. Но едва утилитарная философия и частный интерес упрочились, разум начал терять эту способность. Тем самым "...прогресс субъективного разума уничтожил теоретические основания мифических, религиозных и рационалистических идей, несмотря на то, что цивилизованное общество до сих пор существует благодаря остаткам этих идей". А далее рыдание по поводу идей и ценностей, начиная от свободы и человечности и кончая "радостью от цветка и благоуханного воздуха ... которые, наряду с физической силой и материальными интересами, способствовали поддержанию целостности общества ... но которые, однако, были подорваны вследствие формализации разума" [9].

Мы имеем дело с ранней версией тезиса Хирша об "исчерпании морального наследства капитализма". Нетрудно догадаться, почему эту идею забыли всего за 30 лет, отделяющих Хирша от Шумпетера и Хоркхаймера. Для западного мира то был период экономического роста и политической стабильности. Казалось, что капиталистическое хозяйство преодолело склонность к самоубийству благодаря кейнсианству, планированию и социальному государству. Однако ощущение кризиса, типичное для 1930—1940 гг., снова появилось в 1970-е гг. Частично - вследствие массовых движений конца 1960 гг. Не удивительно, что пессимистические идеи возродились. Поражает то, что их не пытались связать с надеждами XVIII в. Одна из причин - практическое исчезновение тезиса *doux-commerce* в XIX в. Другая причина - преобразование тезиса в форму, в которой невозможно распознать его действительный смысл. Поэтому надо рассказать историю этих отсутствия и преобразования.

Закат теории *doux-commerce* в конце XVIII в.

Легче всего согласиться с обоснованием заката теории *doux-commerce* в XIX в., согласно которому она пала жертвой промышленной революции. Безусловно, экспансия торговли в прежние столетия обычно была разорительной для Африки, Азии и Америки, ставших объектом европейской экспансии. Вместе с промышленной революцией начала разоряться и Европа. Многочисленные группы трудящихся становились безработными, а их труд - бесполезным. Все социальные классы охватила страсть обогащения. По мере распространения этих явлений росло ощущение, что в сердце капиталистической экспансии появилась революционная сила, - дикая, необузданная,

неумолимая. Лишь в отношении внешней торговли высказывали рефлексии: расширение сферы контактов влечет за собой взаимную материальную пользу и весьма тонкие побочные следствия в сфере морали и культуры: обогащение ума, улучшение взаимопонимания и мир. Но о промышленности и торговле в отдельной стране соглашались, что дело идет к распаду и дезинтеграции.

Время от времени было слышно эхо прежнего представления: сеть взаимных отношений и обязательств, возникающих в результате рынка, есть способ интеграции гражданского общества. В "Разделении общественного труда" Э. Дюркгейм доказывал (не всегда последовательно), что углубление разделения труда в современном обществе - своего рода подмена "группового сознания", соединявшего примитивные общества: "Именно разделение труда поддерживает целостность социальных агрегатов высшего типа". По Дюркгейму, обусловленные разделением труда сделки не достаточны для появления указанной подмены. Решающую роль играют многочисленные, как правило, ненамеренные связи людей. Такие связи возникают вследствие сделок и обязательств, вытекающих из контрактов [10]. Конструкция Дюркгейма сложнее концепций Монтескье и Д. Стюарта. Рыночные сделки, мотивированные индивидуальными интересами, не способствуют превращению общества в мирное и цивилизованное. У Дюркгейма много высказываний, отличных от представления об интересах, типичного для XVII—XVIII вв. Его позиция находится между прежним представлением, согласно которому действия по реализации интересов создают основы социальной интеграции, и современной критикой атомизации и разложения социальных связей, обусловленных рыночным обществом. Дюркгейм не разъясняет, как может возникнуть "солидарное" общество на основе разделения труда. В конце жизни он изменил свои взгляды на активистские, не надеясь на разделение труда как механизм интеграции, подчеркивая роль морального воспитания и политического действия [11]. Ниже я покажу, что столь амбивалентная позиция имеет достоинства, а идея, согласно которой социальные связи (при благоприятных условиях) можно привить экономическим сделкам, заслуживает анализа.

Позиция Г. Зиммеля тоже амбивалентна. Никто не писал убедительнее о том, что деньги способствуют отчуждению. Зиммель подчеркивал и интегрирующие функции конфликта в современном обществе, оценивал конкуренцию как институт, оживляющий эмнатию и социальные связи. Но не между конкурентами, а между конкурентами в целом и клиентом - третьим участником обмена, о котором забывают [12]. Зиммель близок Дюркгейму, тоже открывая в структурах и институтах капитализма эквиваленты связей обычая, которые (по идее) поддерживали традиционное общество. Он показывает, что современное разделение труда и значение кредита для экономики укрепляют и высокий уровень доверия в общественных отношениях [13]. Так меньшинство получило поддержку знаменитых мыслителей. Их вклад в социальные науки (пример - дюркгеймова "аномия") обеспечивал аргументы большинству.

Присмотримся к американской сцене для контраста, как правило, к пессимистическому анализу капитализма европейскими социологами. Д.Г. Мида. Ч. Кули. Э. Росса и молодого Д. Дьюи конца XIX - начала XX вв., в отличие от европейских коллег, не интересовали проблемы дезинтеграции. Стремясь понять, чем держится единство общества, они изобрели понятие "социальный контроль", ключевую роль приписывая небольшим размерам, непосредственным отношениям и способности выдерживать нормы и правила [14]. Характерно, что экономические отношения не упоминаются как источник поведения, способствующий социальной интеграции. То же касается Т. Парсонса: есть принципы, которые удерживают в рамках мошенничество на рынке. Парсонс называл их "ориентацией на группу", полагая, что она существует в любом обществе, не считая, что указанные нормы вытекают из самого рынка. Система Парсонса сконструирована из жестких дихотомий. В ней невозможно появление "универсальных" (но определенному) связей между рыночными сделками. У Парсонса речь идет о "партикулярных" и "дисперсных" явлениях типа дружбы и частных связей между людьми [51].

Это социологи. Экономисты же были верны либо критике, либо защите капитализма. Но разве не должны апологеты интересоваться идеей, по которой акты купли-продажи в рыночных обществах выковывают связи доверия, дружбы и обобществления, тем самым поддерживая интеграцию общества? Отсутствие таких суждений в экономической литературе имеет много причин. 1. Экономисты стремились к количественной точности. Они не видели пользы в нестрогих ("туманных") спекуляциях о влиянии экономических сделок на интеграцию. 2. Большинство экономистов было воспитано в традициях политической экономии. Они свысока относились к тревоге социологов по поводу губительных следствий капитализма и квалифицировали эти следствия как неизбежную скоропреходящую цену длительной пользы.

Но главное объяснение иное. Экономисты, выступавшие в пользу рынка, не связывали себя аргументацией об интегрирующих следствиях его. Такие аргументы не могут быть сформулированы для рынка с совершенной конкуренцией. Утверждение экономистов о рациональности и максимизации благосостояния истинно для рынка с множеством анонимных участников, располагающих полной информацией. Для них цены - внешняя данность, на которую нет влияния. Эти рынки функционируют без личных контактов участников. Иначе говоря, при совершенной конкуренции нет места для торгов, рекламации и уступок. Стороны не входят в длительные контакты, позволяющие лучше познать друг друга. Данный аспект рынка (образование связей) может стать важным в случае отступления от модели идеальной конкуренции. На деле эти отступления постоянны. Тем не менее, прорыночные экономисты обычно не выходят за рамки схемы. Осуждая соглашения между продавцами как "заговоры против общества", или пренебрегая несовершенной конкуренцией как незначительным отклонением от идеала, они придают рынку экономическую легитимность, жертвуя социологической легитимностью. К ней всегда возможны претензии: ведь большинство рынков функционирует в реальном мире [16].

В последние годы разработаны методы анализа, в которых отклонения от модели конкуренции не рассматриваются как незначительные. Напротив, подчеркивается значение стоимости сделок, недостаточной информации и несовершенной максимизации. Тем самым легитимируются явления, ведущие к возникновению существенных взаимодействий участников сделок: постоянные связи производителей и потребителей; иерархии взамен рынка; использование "критики", а не "разрыва" для модификации взаимного недовольства. Так готовится частичная реабилитация теории.

Теория феодальных оков

Помимо теории саморазрушения не менее громко заявила о себе противоположная критика, полагающая главной слабостью капитализма бессилие буржуазии (по сравнению с традиционными группами). Речь идет о нежелании буржуазии идти в открытую атаку, холуйстве и верноподданности в отношении аристократии и старого порядка. Подобно теории саморазрушения, здесь нет целостной системы взглядов. Скорее мы имеем дело с серией авторов, писавших в разных целях и контекстах. Но тенденцию усмотреть нетрудно: капиталистические страны критикуются и одновременно испытывают трудности из-за того, что капитализм в социальную жизнь проникает осторожно, трусливо и нерешительно, оставляя нерушимыми феодальные гири, оковы, путы, пережитки, реликты. Оказывается, что именно они обладают силой и влиянием. А поскольку такие страны критикуются за то, что не ликвидировали феодальные пережитки, то говорят, что "им не удалось осуществить буржуазную революцию". Эту группу идей можно назвать теорией феодальных оков или неосуществленной буржуазной революции.

Теория феодальных оков противостоит теории саморазрушения, одновременно зеркально отражая *doux-commerce*. В этом нетрудно убедиться. Из теории феодальных оков вытекает: все шло бы наилучшим образом, если бы рынок и капитализм не сдерживали докапиталистические отношения. Предполагается, что цивилизаторская миссия рынка может осуществиться либо непосредственно по сценарию *doux-commerce*,

либо опосредованно (путь пролетарской революции и социалистического братства). Общество окажется в шаге от пресловутой *douceur*, обусловленной рынком! Однако эти сценарии не могут воплотиться в жизнь, поскольку старый порядок обладает силой, которой никто не ждал. Следовательно, тезис о феодальных оковах базируется на теории *doux-commerce*, не желая в том признаться. Итак, две разновидности критики капитализма - теория саморазрушения и теория феодальных оков - совершенно противоречат друг другу. Следовательно, мы имеем дело с присущим капитализму противоречием второго порядка. Характер данной противоположности прояснит обзор модификаций теории феодальных оков.

Противоречия друг другу, обе теории являются критикой капитализма, что устанавливает движение назад, к Марксу. Маркс подготовил почву теории саморазрушения, подчеркивая разрушительные свойства капитализма. Каркас теории феодальных оков тоже создан Марксом в предисловии к "Капиталу" [17]. Отсюда утверждение: для некоторых стран прочность докапиталистических формаций вместе с соответствующей слабостью капиталистической формации могут стать серьезной проблемой. Но для каких стран? Пример Германии подталкивает к выводу: для стран, в которых развитие капитализма запоздало и феодальная "паутина" не "выметена буржуазной революцией". Буржуазия данных стран является бессильной, холуйской, ленивой и трусливой. Вывод: главная проблема капитализма не в его силе, а в его слабости для "прогрессивной" роли.

В настоящее время подобные взгляды развивает анализ периферии капитализма неомарксистами. Ранняя версия - теория империализма Шумпетера. В начале развития капитализма высказывалось убеждение: мировая торговля и инвестиции сделают войну невозможной, создадут основания "вечного мира". Однако на пороге XX в. обманчивость этой надежды стала очевидной. Приобрел популярность иной ход мысли: капитализм ведет к войнам мировых держав (Д.А. Гобсон, Р. Люксембург, Р. Гильфердинг, В. Ленин). Шумпетер писал во время первой мировой войны, в помощь оптимистам доказывая, что капитализм может вести только к миру. Для Шумпетера рациональный и расчетливый "дух капитализма" противоречил азарту современной ему эпохи. События пошли в ином направлении потому, что капитализм оказался недостаточно сильным, не изменил ни социальных структур, ни ментальности доиндустриальной эпохи с ее склонностью к героическим глупостям, порождающей беды и несчастья. Для объяснения указанного мнимого несоответствия надо обратить внимание на то, что оба тезиса разделены периодом около 20-ти лет. Независимо от возникшего между ними противоречия, обе теории имеют общее: обе подчеркивают значение идеологии и ментальности и сознательно нацелены на критику марксизма, обе с удовольствием подчеркивают ключевую роль нерациональных факторов в человеческом поведении, - в духе Фрейда, Бергсона, Сореля и Парето.

Марксисты тоже не дремали. В своей критике недостаточной динамики капитализма они преимущественно подчеркивали структурные, а не идеологические факторы. В Италии А. Грамши и Э. Серени анализировали Рисорджименто в категориях "неполной" ("неудавшейся") буржуазной революции. Объединение страны в XIX в. не было связано с аграрной реформой или революцией. Слабость итальянской буржуазии и отсутствие у нее якобинской энергии рассматривались как архаика новейшей истории Италии. Стереотип сознания трактовался как причина несчастий, - от неразвитости экономики до фашизма [18]. Этот анализ ставили под сомнение специалисты по экономической истории, показавшие, что "неудача в осуществлении буржуазной революции" - проведение взамен нее аграрной реформы - способствовала накоплению капиталов на Севере страны, обеспечив там "большой скачок" промышленности перед первой мировой войной [19].

Рассмотрим тезис о неудачной или неполной революции. Главная цель вождей Рисорджименто в Италии, - объединение нации - была достигнута. Характеристика данного движения как неудавшейся буржуазной революции является выдумкой, подменой действительных намерений акторов некоей "целью", "духом истории". С другой

стороны, неудача революции 1848 г. в Германии очевидна. Обнаженную ей политическую слабость буржуазных либералов проще всего толковать в терминах пережитков феодализма. "Трагедия буржуазии в том, что ей еще не удалось победить предшественника - феодализм, как на исторической сцене появился уже ее новый враг - пролетариат", - формула Г. Лукача соответствовала условиям Германии и Центральной Европы: здесь буржуазия не пошла в бой против "предшественника" - аристократии и военщины. После 1848 г. состоялся компромисс с "пережитками", что возлагает на немецкую буржуазию ответственность за беды и несчастья новейшей истории Германии.

Представление о буржуазии как классе, который появляется с развитием торговли и промышленности, но не может выместить докапиталистические формации, высказывалось и открывалось с помпой в Латинской Америке. После второй мировой войны здесь наступил период бурного экономического развития. Ученые принялись за анализ по схеме: в "центре" капитализм всегда функционировал блестяще; трудности "периферии" вытекают из "отклонений" от модели, функционирующей в "центре". Теория феодальных оков стала крайне привлекательной. Политолог Ч. Андерсон определил социально-политическую сцену Латинской Америки как "живой музей" фигур, известных из опыта Европы [20]. Страны Латинской Америки не смогли освободиться от старых производственных отношений, и в этом причина проблем данных стран. Местная буржуазия еще раз стала главным виновником, всегда готовая продаться своей аристократии, зарубежным инвесторам, а то и тем и другим. В этом едины большинство современных неомарксистских аналитиков. Но теперь буржуазию обвиняют за то, что она не сыграла "историческую роль". Поскольку страны Латинской Америки "периферия", постольку отрицается прежнее положение: буржуазия может играть положительную роль в развитии. Неспособность к такой роли выражается в оскорбительных терминах "компрадорская буржуазия" (П. Баран), "люмпенбуржуазия" (А.Г. Франк). Этот вывод повлек за собой падение интереса к индустриализации и развитию Латинской Америки.

Не буду рассматривать истинность таких тезисов. Скажу: они сомнительны [21]. Но все же обращаю внимание на трюк сторонников теории феодальных оков. Раньше она отвечала на вопрос: почему экономическое развитие отстало или запоздавшей в развитии страны испытывает трудности по сравнению с передовыми странами, в которых предположительно развитие шло гладко? Сегодня некоторые авторы обращают внимание на то, что такой счастливой страны никогда не существовало, зато везде буржуазия была слабой, трусливой и бесхарактерной. Этот тезис сформулировал А. Майер. По его мнению, вплоть до первой мировой войны ситуация в Европе напоминала нынешнее положение в Латинской Америке. Майер повторяет тезис Шумпетера о роли империализма, приписывает развязывание первой мировой войны стремлению представителей старого порядка дать ответ на дошедшие до них проявления недовольства господством, которое не подлежало сомнению.

Произошла универсализация тезиса о пережитках феодализма, особенно смелая и шокирующая по отношению к Англии и Франции. Считалось, что буржуазия и капитализм одержали полную победу во Франции (политическая революция) и в Англии (промышленная революция). Сомнение в их "образцовости" появилось тогда, когда "золотые годы экономического роста" 50-60 гг. XX в. оказались позади. Книга Майера не исключение. Аналогичные взгляды развивает М. Винер в отношении Англии [22], Б.Г. Леви в книге "Французская идеология" (Париж, 1981), имевшей скандальный успех. По мнению Леви, социальная и политическая мысль Франции с середины XIX в. до второй мировой войны находилась под влиянием смеси расизма и протофашизма!

В конечном счете, универсализация теории феодальных оков подрывает две теории одновременно: убеждение в специфическом характере проблем капитализма в периферийных странах (включая страны Европы, где развитие капитализма запоздало); форму теории саморазрушения, которую можно обнаружить, прежде всего, в развитых странах.

Америка или угрозы, обусловленные отсутствием феодального прошлого

Присмотримся к Соединенным Штатам. К ним не относится теория феодальных оков. По крайней мере, никто не утверждал, что США находились (если пренебречь рабством) под гнетом старого порядка, что развитие капитализма в этой стране замедлялось или нарушалось рыцарским этосом и феодальными институтами. Наоборот, США рассматривались как исключение из теории феодальных оков, а развитие капитализма приписывалось отсутствию феодального наследства. И вдруг - смена декораций! - труд Л. Гарца "Либеральная традиция в Америке". Гарц согласен с идеей свободы США от пережитков феодализма. Но в книге можно заметить причитания на тему бед и несчастий США по причине отсутствия феодальных пережитков. А в выводах доказывается, что пресловутое отсутствие - сомнительное благо, - в лучшем случае; чаще же - отравленный дар, скрытое проклятье. Суждения просты и кажутся убедительными. Америка "родилась свободной" и не вела длительной борьбы с феодальной аристократией. В ней нет социального и идеологического разнообразия, в чем не было недостатка в Европе. И это разнообразие - главное в действительной свободе.

По Гарцу, отсутствие разнообразия идей - причина отсутствия консервативной традиции, бессилия социализма и бесплодия либерализма в Америке. Он указывает и более важное следствие: отсутствие разнообразия ведет к "тирании большинства", инспирированной "иррациональным учением Локка" и "неслыханным либеральным абсолютизмом" [23]. Все это отрицательно сказалось во внутренней и международной сферах. Анализируя Новый курс и отход от традиционного либерализма, Гарц отмечает, что Рузвельт проводил реформы под лозунгами "прагматизма", "смелых и упорных экспериментов": "Он был не обязан вообще артикулировать какую бы то ни было философию по причине отсутствия социалистического и традиционного корпоративного вызова правых сил" [24]. Согласно Гарцу, большая часть успеха Рузвельта связана со способом ее осуществления, с "сублимированным американизмом". В настоящее время можно определить цену этого маневра. Новый курс и программы социального государства никогда не были консолидированы как элементы нового экономического порядка и идеологии. По этой причине реформы не обрели легитимации, в отличие от других развитых стран. Теперь проведенные реформы уязвимы к атакам сил, выступающих от имени американского "либерального абсолютизма". Гарц показывает, что другие, не менее острые проблемы могут раздирать страну по причине ее "исключительного" и "завидного" положения, связанного с отсутствием феодального прошлого. Позиция Гарца подкреплена макросоциологическими исследованиями. Из них вытекает, что феодальное общество - с присущей ему сложной институциональной структурой и конфликтами - служило плодородной почвой становления западной демократии и капитализма [25]. И наоборот: в эссе К. Велице о Латинской Америке (его мысли идентичны суждениям Л. Гарца) доказывается, что отсутствие классической феодальной структуры на этом континенте объясняет его "нейтралистскую традицию", которая ответственна за проблемы Латинской Америки.

Итоги

В обзоре интерпретаций развития капитализма я сосредоточил внимание не на "плохом" или "хорошем" в капитализме (с точки зрения "справедливости", "эффективности", "экономического роста"), а на том, что ведет к желательным или нежелательным последствиям. Речь идет о возможностях экономической и внеэкономической (моральной, социальной, политической) динамики системы, отраженной в идеях. Но понимание связи между теориями и служит средством достижения цели: восстановить связь близких по сути идейных формаций, развивавшихся изолированно друг от друга. Несмотря на изоляцию, разные идеологии идут к созданию целостного образа. Это

напоминает ситуацию, в которой четверо детей с завязанными глазами смогли сообща разукрасить разными цветами один контурный рисунок.

До этого момента я стремился произвести впечатление, что выступаю в роли хроникера Человеческой Комедии, связанного с производством идеологий. Теперь я не могу удержаться от вопроса: какая из них истинна? С этой точки зрения (независимо от общего несогласия и несоответствия) каждая из теорий может обладать "моментом истины" по отношению к определенной стране или группе стран в определенное время. Поэтому следует воздать должное каждой из конкурирующих идеологий. В определенной точке пространства и времени каждая из теорий отражает часть истины и нуждается в дополнении другими теориями. В итоговых выводах я ограничусь тремя "противоречиями". Моя задача состоит в ответе на вопрос: можно ли вообще и стоит ли связывать теории, образующие противоречия?

Мы имеем дело с разными степенями несоответствия точек зрения и доктрин, которые, на первый взгляд, противоречат друг другу. Невозможно преодолеть противоположности теорий саморазрушения и феодальных оков. Правда, в мире политики и идеологии распространен тип эклектиков. Они могут доказывать положение: капитализм может уничтожить все предшествующее "наследство" (включая ценности истины, честности), и это - его положительная функциональная характеристика. В то же время капитализм подчинен всему отрицательному, что приходит из докапиталистического общества. Но можно ли полагать, чтобы какая-либо из исторических формаций отличалась инстинктом следования по самому плохому пути? Значит, здесь находится "противоречие второго порядка" - наиболее аутентичное и наименее поддающееся редукции. Возможно, что каждый из тезисов - о саморазрушении и феодальных оковах - объясняет трудности, на которые наталкивается капитализм в разных контекстах. Иначе говоря, я не утверждаю, что обе теории отрицают друг друга, и потому можно надеяться, что капитализм свободен от проблем, зафиксированных в данных теориях.

Но указанные способы объяснения, отрицая друг друга, противоречат концепциям, которые считают положительными факторы, признанные отрицательными в двух предшествующих объяснениях. Если обе эти теории могут быть истинными одновременно, появлению амальгамы нет помех. Наоборот, она достовернее предположения: только одна теория истинна, другую надо отбросить. Соединение их означает, что докапиталистические формации и ценности мешают развитию капитализма, снабжая его ценностями. Их пропорции различны в конкретной исторической ситуации.

Еще больше этот вывод относится к теориям *doux-commerce* и саморазрушения. Могут ли обе быть истинными? Это не только возможно, но и весьма вероятно. Капитализм обнаруживает одновременно тенденции самоподдержки и самоуничтожения. Этот факт не противоречивее одновременного существования приходов и расходов в бухгалтерии. Если принять такую точку зрения, моральные основания капитализма подлежат эрозии и восстановлению одновременно. Если эрозия преобладает над регенерацией, следует кризис системы. Надо строго определить обстоятельства, при которых может возникнуть такая ситуация. То же самое можно сказать об условиях, при которых система будет более прочной и легитимированной.

Ясно, почему, несмотря на декларации в пользу диалектики, мы с трудом соглашались с тем, что в обществе происходят противоположно направленные процессы. Речь идет не только о трудностях их познания, но и о трудностях психологических. Предположение об одновременной истинности теории *doux-commerce* и саморазрушения (или феодальных оков и благодетней) ведет к тому, что наблюдателю, критику, "исследователю" трудно произвести впечатление на публику утверждением: процессы, свидетелями которых мы являемся, должны повлечь за собой неизвестные и неизбежные следствия. Мы сегодня свидетели множества неосуществившихся пророчеств. Не следует ли социальным наукам согласиться со сложностью мира и не претендовать на способность предвидения?

Перевод В.П.МАКАРЕНКО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 433.
2. *Кондорсе Ж.А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 162-163.
3. *Paine T.* The Rights of Man. NY., 1951.
4. *Ricard S.* Traite generale du commerce. Amsterdam, 1781. P. 215.
5. *Hirsh F.* Social Limits to Growth. Cambridge - L.. 1976. P. 117-118.
6. Там же. С. 143.
7. *Coleridge S.* Collected Works. Т. 6. Princeton. 1972. P. 169-190.
8. *Schumpeter J.* Kapitalizm, socjalizm, demokracja. W-wa, 1995. S. 176.
9. *Horkheimer M.* Eclipse of Reason. NY. 1947. P. 34, 36.
10. *Durkheim E.* De la division du travail social. P. 1902. P. 148, 192, 207, 402.
11. *Lukes S.* Emile Durkheim: His Life and Work. NY.. 1972. P. 178.
12. *Simmel G.* Conflict and the Web of Group Affiliations. Clencoe. 1955. P. 61/3.
13. *Simmel G.* Soziologie. Leipzig. 1923. S. 260-261.
14. *Silver A.* Small Words and the Great Society: The Social Production of Moral Order. Рукопись. 1980.
15. *Parsons T.* The Social System. Glencoe. 1951. P. 98, 125-127.
16. См.: *Hirchman A.* Lojalnosc, krytyka, rozstanie: reakcje na kryzys paristwa, organizacji i przedsiebiorstwa. Krakow - W-wa. 1995. S. 28; *Williamson O.* The Modern Corporation: Origins, Evolution. Attributes // Journal of Economic Literature. 1981. № 12, P. 1540.
17. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 9.
18. Сборник статей на эту тему, в большинстве - критических, см.: *Le vizio d'origine.* Fierence. 1980.
19. См.: *Romero R.* Risorgimento e capitalismo. Bari, 1959; *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge. Mass., 1962.
20. *Anderson C.* Politics and Economics. Change in Latin America. NY. 1967.
21. См.: *Hirchman A.* Bias for Hope: Essays on Development and Latin America. New Haven. 1971. Chpt. 3.
22. *Wiener M.* English Culture and the Decline of Industrial Spirit: 1850-1980. Cambridge. 1981.
23. *Hartz L.* The Liberal Tradition in America. NY. 1955. P. 11, 140-142, 285.
24. Там же. P. 263.
25. Убедительные исследования такого типа - труды двух идеологически противостоящих авторов:
Anderson P. Lineages of Absolutist State. L. 1974; *Baechler J.* Les origines du capitalisme. P. 1974.